

«ГЕДЛЕ ЦАДКАН» КАК АГИОГРАФИЧЕСКИЙ И ИСТОРИЧЕСКИЙ ИСТОЧНИК ПО РАННЕМУ АКСУМУ

А. В. МУРАВЬЕВ

Эфиопский литературный памятник, известный под названием «Гедле Цадкан», обычно недооценивается в силу своего эпического характера. Историческая ценность этого текста, однако, отнюдь не является минимальной. Некоторые типичные особенности произведения говорят об осязаемом сирийском влиянии. Так, практика поедания травы засвидетельствована как типичное проявление аскетизма сирийских отшельников-«восков». Корреляция между «Гедле Цадкан» и «Кыбрэ Нэгэст» является, по-видимому, довольно поздней чертой, указывающей на формирование культа «девяти преподобных».

Начальный период проповеди христианства в эфиопском Аксуме неоднократно переписывался и подвергался мифологизации и ре-интерпретации, что неудивительно ввиду скудости сведений о нем. Ситуацию с источниками можно охарактеризовать как весьма неудовлетворительную. Мы не можем полностью доверять документам, созданным в XII–XVII вв., то есть 700–1000 лет спустя, но у нас практически нет и современных документов. Греческая апокрифическая традиция содержит «сказания об апостольском обращении» Эфиопии то ли ап. Матфеем, то ли Варфоломеем, а то и Андреем Первозванным¹. В этом смысле ее можно уподобить сирийцам с апостолами Аддаем и Фомой или коптам с ап. Марком: только степень достоверности будет еще ниже.

Серьезная христианизация Аксума начинается только с VI в., когда мероприятия ромейских императоров выталкивают за границы Империи группы иноков-антихалкидонитов в основном сирийского происхождения. Часть из них, как описывает монофиситский историограф Иоанн Эфесский², переселяются в горные районы Малой Азии, другие идут еще дальше на Восток (в частности, в Картли). Одной из таких областей, приютивших ушедших из Сирии в миссионерское изгнание монофиситских монахов, оказалась Аравия. Аксум находился в удобной позиции для бегства — настоящий «край света», да и доступ туда из Месопотамии или Малой Азии через Аравийский полуостров был возможен благодаря караванным путям. Множество таких путей связывало месопотамские

¹ Метцгер Б. Ранние переводы Нового Завета. М., 2004. С. 234.

² См. о нем: Дьяконов А. П. Иоанн Эфесский и его церковно-исторические труды. СПб, 1908, 2006²; van Gink J. J. John of Ephesus. A Monophysite Historian in Sixth-century Byzantium. Groningen, 1995.

центры с красноморским побережьем³. Таким образом, следующую («сирийскую») волну, образованную тремя компактными группами сирийских монахов, надо считать не в меньшей степени, чем события, отраженные в досье Фрументия-Эдесия, фактором христианизации Аксума в частности и Эфиопии вообще. Ядром этой новой волны христианского влияния оказывается группа из «девяти преподобных», о которых мы уже писали⁴.

В ситуации развязанного имперской администрацией Юстина гонения на диакриноменов на Африканский Рог прибывает первая группа иноков. Обстоятельства прибытия в Аксум первой «сирийской волны» (šādqân) изложены в «Гедле Цадкан» («Подвиги праведников»)⁵. Согласно этому источнику, значительное число монахов, числом до 150 человек (!), прибыло из «Ромейской страны» через Египет и Иерусалим и осело в Стране Бур⁶ в Баракнахе и в Матаре. Особенность их состояла в том, что они питались исключительно дикими плодами. Эта практика сразу отсылает нас прямо в сирийский регион, где питание растениями было весьма распространенной аскетической практикой, и позволяет предположить, что «праведники» принадлежали к т.н. «воскам» (βοσχοί, пасущиеся).

Эта группа не имела особых проповеднических устремлений, а хотела только найти удобное место для жительства и иноческих подвигов. Это вполне согласуется с наступлением первой волны гонений на диакриноменов. Особенностью этой группы можно считать ее многочисленность: все остальные группы были куда меньше. Традиция, отраженная в ГЦ, есть по сути локальная традиция культовых центров «преподобных» в Баракнахе и в Матаре. Однако в памяти эфиопов «праведники» занимают значительное место: их культ был засвидетельствован португальским путешественником Д. Кривошамом да Гама, видевшего мумифицированные мощи «праведников» в 1514 г.

Сам текст «Гедле Цадкан» в его современном виде восходит ко времени никак не ранее XV в. Издан он был К. Конти Россини в 1903 г. по одной рукописи, хотя сейчас их известно еще несколько. Уже в прологе-молитве, обращенной к «праведникам», сообщается, что они были «убиты мученически голодом» (л. 9), автор призывает Божие благословение на свой труд, состоящий в воспевании «величия мужей из Бараки Праведных»⁷. Автор жития благодарит Бога, что Праведные «вышли из Ромейской страны» и прибыли в «кущу Сионскую», то есть в Аксум. Уход из Ромейской страны был попросту уходом из мира: «...оставили

³ Леклан Ж. Нубия и Эфиопия от доисторического периода до XII в. в История тропической Африки. М., 1984. С. 112–138; Crone P. Meccan trade and the rise of Islam. Princeton, 1987.

⁴ Муравьев А. В. Ромейские святые: сирийские проповедники Гарима, Йемата и Афцэ в эфиопском Аксуме // ВИЛИ. Т. 3. М., 2006. С. 187–200.

⁵ Основная публикация текста: Conti Rossini C. Ricordi di un soggiorno in Eritrea. Asmara, 1903. P. 9–22. Дополнительные фрагменты: Schneider R. Une page de gadla Šādqân // Annales d'Ethiopie. № 5 (1963). P. 176–179 (пер. на ит.: Raineri O. «Gadla Šādqân» o «Vita dei Giusti». Missionari dell' Etiopia nel sesto secolo // Nicolaus. 6 (1978) 145–63); варианты и гимн: Raineri O. «Vita dei Giusti» missionari dell' Etiopia nel sesto secolo: varianti e inno // Ephemerides carmeliticae 31 (1980) 377–414.

⁶ Топоним «Бур» встречается несколько раз как на карте собственно Аксума, так и сопредельных территорий. Имеется ли в виду совр. Аккала Гузай, как считает С. Хабле Селасие, — не вполне ясно.

⁷ Вариативность названий, пропуски слогов и др. альтерации — нередкая черта эфиопских рукописей.

они все, что было у них: любовь к жене, любовь к детям, к домам и к славе». В соответствии с духом древнего монашества они последовали за Христом «узкими вратами»: «Посеем семя духовное, да сберем плод праведности», говорили они. Руководством им служили слова пророка Иереми: «Блажен сеющий в Сионе и в доме Иерусалимстем». Разумеется, в рамках основной аксумской идеологии именно в Аксум направили они свои стопы. Житие (будем переводить так гезское *gädl*, собственно «подвиг») смутно говорит о том, что, когда праведники покидали «Рим», тот был в большом возмущении, ибо «покидали его маргариты и перлы его». Вполне возможно, что за риторической фигурой, долженствующей описать горе расставания матери и детей, стоят реалии сложного положения изгнанников-монофиситов, хотя утверждать этого с вероятностью нельзя, да и автор жития едва ли понимал всю эту историю. «Священники, юноши и старцы вышли ночью из домов своих и искали их, но не нашли». Праведники пришли в Иерусалим, но ушли и оттуда, «желая подняться на западные горы». Когда же они прибыли в Эфиопию, то сказали: «Разделим между собой это место!», что обозначает решение разойтись по стране. Далее текст сообщает, что одни из праведников отправились в область Бур, другие же взошли на горы Матарские, третьи пошли в поля Баракнахи, иные пошли в поля Сойра, в ее горы и в Адд Хейайу, и многие бесчисленные бродили внутри страны». Таким образом, у нас образуется примерная картина расположения святилищ, в которых почиталась память святых этой группы к моменту написания жития.

Калев-Елезвой — хронологическая привязка или эсхатологическая тема?

Вслед за тем «Гедле цадкан» говорит о некоем «новом восстании жителей Бур, забывших Господа», однако в дело вмешивается легендарный царь Калев (он же Элла-Ацбаха, он же Елезвой греко-славянской традиции). Иноки оказались свидетелями какого-то восстания в Буре, участников которого «Гедле цадкан» описывает как противников Христа. Затем, как повествует тот же источник, Калев с войском явился в Бур, разорил город Матару и покарал смертью бунтовщиков, а заодно и «проредил» местное население. Во время пребывания императора с войсками в Матаре, согласно «Гедле цадкан», состоялась встреча с ним «праведников», которые «благословили его». Царь спрашивает их: «Сколько лет вы уже тут живете?» И они отвечали: «Тридцать!».

Эти «преподобные» стали первыми эфиопскими мучениками. «Христоненавистные» жители Бур, владевшие землей, воспретили им собирать корни и плоды на своих землях, отчего иноки стали голодать и в конце концов были заморены голодом до смерти. Сл. 14 собственно начинается история мученичества: жители деревни пытаются выяснить, кто пожирал по ночам их траву. Спрятавшись в кустах, один из крестьян видит иноков, питающихся травой (в некотором смысле можно сказать — сравнения позволяют, — что он видел вместо иноков птиц) и, выстрелив из лука, убивает одного из праведников. После этого иноки собираются около своей пещеры и клянутся «никогда более не есть ни травы, ни другого чего и не желают они более жить на земле, но на небе». «Ибо с отрочества они были в святости, и тление не коснулось их», — добавляет автор. Здесь

можно углядеть то особое, специфичное для сирийского аскетизма безутешное и могучее стремление расстаться с земной юдолью, уморить свое тело для жизни небесной⁸. Идея о свободе от тления (ἀφθαρσία), захватившая христианский Восток в VI в.⁹, видна и тут. Когда иноки из Матары узнали о судьбе баракнахских праведников, они «опечалились и упокоились, так что поминование их стало вместе с теми».

Автор «Гедле» подчеркивает одну важную, с его точки зрения, деталь: когда упокоились праведники, к пещере их спустились ангелы, так что она уподобилась горе Синай, на которой звучал Глас Божий. Далее писатель помещает серию чудес, которые связаны с мощами праведников в Баракнахе и Матаре. После их кончины пещера (пещерная киновия?), где они жили, стала местом паломничества и чудесных исцелений. Преемник «Калеба» (возможно, Элла Амида / ΑΛΑΜΙΔΑΣ) выстроил в Баракнахе (ок. 15 км к югу от Сенафэ) богато украшенную церковь.

Если мы предполагаем, что праведники были первыми эмигрантами из империи, бежавшими по религиозным причинам, то остается объяснить предполагаемый путь до Аксума из Малой Азии. Тут возможны два варианта. Первый — это красноморский путь через гавани Химьяра и Адулиса. Второй путь — по Нилу через Египет и Нубию — почти невероятен, т. к. пороги мало проходимы, а сушей добираться сложно. Поэтому наиболее вероятным остается красноморский путь, что объясняет эпизод с Калобом.

Для полноты картины упомянем, что вторая, весьма многочисленная группа монашеских мигрантов осела в Кадихе (Kadiḥ), молитвы этим подвижникам сохранились в рукописях под именем некоего Сарца Вангёл. Эта группа, видимо, находилась у основания монастыря на р. Кадих в области Тигре, в комплекс сооружений которого входила и церковь, посвященная Богородице. Как считают исследователи, эти святые жили в пещерах, подобно «праведникам» и скончались насильственной смертью, хотя и не почитались как мученики.

Таким образом, можно отметить несколько важных особенностей, не зависящих от многочисленных возможных редакций «Гедле цадкан». Праведники прибывают из Страны Ромеев (то есть из Империи) в поисках уединенного места. Параллельно автор текста уверяет читателя в том, что Аксум — это Сион, чем создает легендарный резон для переселения из «Рима». Но переселение мыслится им как событие весьма драматическое: отъезд сопровождает некий «плач», скорбь «Рима». Прибыв в область Тигре, иммигранты поселяются в пещере, в районе, описываемом как области Баракнахи и Матары. Ведут они сверхаскетичный образ жизни, вполне характерный для сирийских подвижников того времени. Во время их пребывания в этой области в селении Бур происходит восстание местного населения против царя Аксума («Гедле цадкан» называет его вполне естественно «Калобом»), который посылает в Баракнаху войска для усмирения. Так мотив переселения в Сион переплетается с основным мотивом легендарной истории Эфиопии — противоборством Калеба и Зу-Нуваса, который в конеч-

⁸ *Abouzeyd S. Ihidayutha. A Study of the Life in Singleness in the Syrian Orient. From Ignatius of Antioch to Chalcedon 451 A.D. Oxford, 1993. P. 235–256.*

⁹ *Draguet R. Julien d'Halicarnasse et sa controverse avec Severe d'Antioche sur l'incorruptibilité du corps du Christ. Louvain, 1924. P. 5–9.*

ной форме выступает в «негранском досье». Праведники поддерживают негу-са, после чего развивается их конфликт с местным населением, в ходе которого они умирают от голода. Все остальное можно отнести на счет агиографических топов. Добровольность смерти праведников также, скорее всего, относится к агиографической интерпретации кончины святых.

Упоминание о «пастьбе» явно указывает в сторону сирийского образца аскетизма и свидетельствует о его принесении на эфиопскую почву. Методом исключения можно отменить египетскую гипотезу (которая всегда казалась привлекательной ученым вплоть до Гетачью Хайле) хотя бы потому, что воски не были известны там вовсе. Разумеется, у нас нет ни одного имени собственного, чтобы можно было утверждать что-либо об их этнографии или социологии. Но уже совокупность элементов агиографического досье «цадкан» позволяет предполагать, что сирийское присутствие и влияние имело место в середине VI в. и предшествовало «второй волне» христианизации страны, приведшей к ситуации, агиографически описанной в «Кыбрэ нэгэст» как полная и окончательная победа христианства в Аксуме. Историческая значимость «Гедле цадкан», таким образом, весьма высока, однако элементы «эпической агиографии» ощутимо заслоняют от нас историческую реальность, выразившуюся в том, что репрессивные мероприятия ромейского правительства способствовали иноческой колонизации отдаленных земель, каковой в VI в. был Аксум. Дальнейшее распространение (включая и миссию «девяти преподобных») христианства в Аксуме накладывалось именно на этот субстрат.

Ключевые слова: христианство, эфиопская агиография, христианизация Аксума, «Гедле цадкан».

«GADLA TSADKAN» AS A HAGIOGRAPHICAL AND HISTORICAL SOURCE BEARING ON ANCIENT AXUM

A. V. MURAVJOV

The Ethiopic literary monument known under the title of «Gadla tsadkan» has generally been underestimated due to its epic character. However the historical value of this text is far from minimal. Some typical features of the work betray a strong Syriac influence. Thus the practice of grass-eating is attested as typical of Syriac *boskoi*-asceticism. The correlation between «Gadla tsadkan» and the «Kebra Nagast» seems to be a rather late element pointing to the establishment of the cult of the Nine Saints.

Key words: Christianity, Ethiopian hagiography, Christianization of Axum, «Gadla Tsadkan»